

СБОРНИК  
РУССКОГО  
ИСТОРИЧЕСКОГО  
ОБЩЕСТВА

№ 4 (152)

В.В.Фомин

## Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века

Варяжский вопрос на протяжении нескольких столетий находится в центре самого пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. Казалось бы, что в этом случае в истории его разработки все должно быть предельно ясно. Но, как ни странно, именно начало норманизма, истинные причины и обстоятельства, вызвавшие его к жизни, представлены в историографии в искаженном свете, что, конечно, не могло не сказаться на состоянии изученности варяжского вопроса. Наличие целостного представления об историографии по варяжской проблеме, несомненно, позволит избавиться от некоторых стереотипов, сковывающих научную мысль и направляющих ее по ложному пути, положительно отразиться на перспективах решения самой этой проблемы.

Норманисты и их оппоненты, ведя многовековую полемику об этносе варягов, демонстрируют, при всех своих принципиальных расхождениях по всему кругу обсуждаемых вопросов, исключительное единодушие во взглядах на проблему возникновения норманизма в науке. Причем, большинство исследователей одновременно придерживается двух версий его генезиса, органически, по их мнению, связанных между собой. По первой из них, родоначальником норманистской концепции образования Древнерусского государства является немецкий историк Г.-З.Байер. В 1735 г. в «Комментариях Академии наук», издаваемых в Санкт-Петербурге на латинском языке, была опубликована его статья «De Varagis» («О варягах»)<sup>1</sup>, которую обычно рассматривают как положившую начало норманизму в отечественной и зарубежной историографии. К числу основоположников

норманизма также относят Г.Ф.Миллера и А.Л.Шлецера, придавших, как это принято считать, норманской теории своего соотечественника заверченный вид.

Вопрос о начале норманизма получил в середине XIX в. новую интерпретацию, логично вытекавшую из той ситуации, что сложилась тогда вокруг вопроса об этносе варягов. Н.И.Ламбин был, видимо, первым, кто прямо сказал, что составитель Повести временных лет (далее ПВЛ) — «вот первый, древнейший и самый упорный из скандинавоманов! Ученые немцы не более как его последователи...»<sup>2</sup>. В 1914 г. А.А.Шахматов закрепил своим авторитетом в науке мнение, «что первым норманистом был киевский летописец (Нестор) начала XII века»<sup>3</sup>. В советскую историографию оно было введено В.А.Пархоменко и М.Д.Приселковым, причем последний охарактеризовал летописца норманистом «самого крайнего направления»<sup>4</sup>. В послевоенные годы советские и зарубежные исследователи подчеркнуто говорили о наших летописцах как о «первых норманистах», даже о «норманской теории» печерских монахов, утверждали, что у норманизма «была прочная историографическая традиция в средневековой отечественной литературе и летописании»<sup>5</sup>. С подобным взглядом абсолютно согласуется точка зрения, проповедуемая крупными учеными XIX в., что в истории России якобы наглядно прослеживается традиция, считавшая варягов шведами и своими корнями уходящая в далекое прошлое. В 1995 г. этот тезис был повторен финским историком А.Латвакангасом<sup>6</sup>.

Рассмотренные мнения о начале норманизма не исчерпывают собой весь набор суждений на сей счет. Имеется материал,

который позволяет совершенно по-иному взглянуть на время и обстоятельства его зарождения. Со Смутным временем связан факт, опираясь на который в Швеции в начале XVII в. была высказана мысль, что варяги русских летописей — скандинавы. Тогда же была предпринята и первая попытка ее обоснования. Затем, начиная с 70-х гг. того же столетия и вплоть до Байера, в Западной Европе, прежде всего в Швеции выходят работы, где аргументация в пользу норманства варягов весьма обстоятельна, и в основе которой лежали многие из тех памятников, что составляют ныне золотой фонд норманизма. О существовании подобных разработок в западноевропейской историографии XVII — начала XVIII вв. мельком упоминали Байер<sup>7</sup>, Татищев<sup>8</sup>, Третьяковский<sup>9</sup>, Шлецер<sup>10</sup>. Несколько суждений на эту тему высказал А.А.Куник<sup>11</sup>. С сообщением о зарождении норманизма в шведской историографии XVII в. выступил на конференции в 1993 г. автор настоящих строк<sup>12</sup>. Этот вывод в 1995 г. нашел полное понимание и поддержку в монографии финского историка Латвангаса, изданной в Швеции<sup>13</sup>.

Вопрос о начале норманизма в добайеровский период не стал в отечественной науке темой специального исследования в силу следующих причин. Во-первых, тому мешает глубоко укоренившийся взгляд на Байера как на родоначальника норманской теории. Во-вторых, не позволяет отойти от этого стереотипа случайное и поверхностное знакомство ученых с работами действительно первых норманистов, в связи с чем им не было придано самостоятельного значения. Из всех исследователей лишь норманист Куник в прошлом уделил какое-то внимание предшественникам Байера. Назвал он и имя, по его словам, «первого норманиста», который заявил о себе в 1615 г., — это имя шведа Петра Петрея де Ерлезунда<sup>14</sup>. Но Куник ограничился лишь короткими, хотя и верными суждениями, к сожалению, не имеющими целостного и законченного вида, что и вынуждает обратиться к личности Петрея.

Петр Петрей (Пер Перссон) — шведский дипломат и историк, родился в Уппса-

ле около 1570 г., умер в Стокгольме в 1622 году. Учился в гуманитарной Высшей школе имени Юхана III, затем самое короткое время — в Марбургском университете. В конце 1601 г. он уехал в Россию, где пробыл четыре года. Ю.А.Лимонов, характеризуя Петрея как «политического агента» Швеции в России, отмечает, что вся его деятельность была направлена «на сбор информации об отношении русского правительства к шведской короне», а также всевозможных сведений о прошлом и настоящим России. В 1607–1613 гг. Петрей, выполняя дипломатические поручения, несколько раз посещал нашу страну. Итогом его пристального внимания к России и к ее прошлому стала книга «История о великом княжестве Московском», изданная в 1614–1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г., с дополнениями и исправлениями, — на немецком языке в Лейпциге<sup>15</sup>. Петрей в своем труде широко использовал источники как западноевропейские, так и русские<sup>16</sup>. М.А.Алпатов считал, что главным источником Петрея были его личные наблюдения. При этом он особо выделял «устную историческую традицию», с которой тот ознакомился в России<sup>17</sup>.

Свою задачу Петрей видел в том, чтобы рассказать о правителях России, «начиная с трех князей Рюрика, Синеуса и Трувора, надобно полагать, родных братьев, родом из Пруссии...»<sup>18</sup>. Затем, отступив от «августинской легенды», он пишет, «что варяги вышли из Швеции»<sup>19</sup>. Как явствует из дальнейшего изложения, к такому выводу его побудила речь новгородских послов, произнесенная ими перед шведским королевичем Карлом-Филиппом в августе 1613 г. в Выборге. По словам Петрея, новгородцы настаивали на его переезде в Новгород, при этом «поставляя на вид, что Новгородская область, до покорения ее московским государем, имела своих особенных великих князей, которые и правили ею; между ними был один тоже шведского происхождения, по имени Рюрик, и новгородцы благоденствовали под его правлением»<sup>20</sup>. К этому факту Петрей добавил собственные соображения. Имя «варяги» он связал с названиями «области Вартофта, в

Вестер-Готландии» и «области Веренде, в Смаланде», откуда мог быть родом «главный вождь» варягов, называемый по месту рождения «Вернер, и от того варяг, а его дружинники-варяги». Имена Рюрик, Синеус и Трувор он принял за испорченные названия русскими некоторых шведских имен. Из сравнения псковского и новгородского гербов со шведскими дворянскими гербами Петрей вывел, что «в самом деле есть несколько сходных» с последними<sup>21</sup>.

Норманство варягов, по Петрею, вытекает также из того, что, как он утверждает, «в наших летописях есть ясные известия, что шведы с русскими вели сильные войны, взяли страну их и области вооруженной рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили ее огнем и мечом до самой реки Танаиса, и сделали ее своею данницей»<sup>22</sup>. Под «нашими летописями» он понимал прежде всего сочинение Юханнеса Магнуса, изданное в 1554 году. Этот труд Петрей положил в основу своих «Кратких и полезных хроник о всех шведских и готских королях...», опубликованных в 1611 г. и переизданных затем в 1614 и 1656 годах. По словам Латвакангаса, «Хроники» Петрея, используемые в качестве учебника, буквально «вбивали в головы» мифологию Магнуса и формировали мнение читателей об отношениях, существовавших в прошлом между русскими и шведами. Подметил ученый при этом такую немаловажную деталь, что «красной нитью через всю книгу проходит какая-то странная враждебность, даже там, где речь идет о ранней истории»<sup>23</sup>.

«История» Петрея получила широкое хождение в Западной Европе. На нее ссылаются многие ученые XVII века<sup>24</sup>. Довольно скоро она оказалась в России: в начале 1660-х гг. с ней ознакомился в тобольской ссылке Юрий Крижанич<sup>25</sup>. Еще большую известность приобрела речь новгородцев благодаря шведскому историку Ю.Видекинди, приведшему ее в своей работе «История десятилетней шведско-русской войны», опубликованной в 1671 г. на шведском языке, а в 1672 г. — на латинском. Он-то и уточнил, что на шведское происхождение Рюрика указал глава новгородского посольства, архимандрит Спасо-

Хутынского монастыря Киприан<sup>26</sup>. После Петрея и, особенно, Видекинди у шведских историков этнос варягов не вызывал никакого сомнения, хотя они были знакомы с сочинением Герберштейна и «августинской легендой», выведившими варягов с южно-балтийского побережья — из Вагрии и из Пруссии. О Швеции как родине варягов говорили, например, Верелий Олав (Олоф, 1618—1682), Рудбек Олоф (1630—1702), А.Скарин (1684—1771), работы которых выходят соответственно в 1672, 1689 и 1698, 1734 годах<sup>27</sup>. Скарин, ссылаясь на Видекинди, демонстрирует хорошее знание шведами русских летописей и ранней русской истории, что видно из его следующего сравнения: «Тогда архимандрит Киприан, посланный епископом и другими новгородцами, другой Гостомысл» сказал, что «был получен князь из шведов Рюрик»<sup>28</sup>.

Шведские историки XVII в., взяв за основу своих построений слова Киприана, вводят в научный оборот соответствующие документы, закладывают тем самым источниковую базу норманизма. По мнению Куника, высказанному им в 1878 г., «в период времени, начиная со второй половины 17 столетия до 1734 г., шведы постепенно открыли и определили все главные источники (выделено мною. — В.Ф.), служившие до XIX в. основой учения о норманском происхождении варягов-руси»<sup>29</sup>. Они вместе с тем, следует дополнить Куника, определяют новые темы в варяжском вопросе и выдвигают доказательства, обычно приписываемые Байеру, Тунманну и Шлецеру. Так, ими были отождествлены летописные варяги с византийскими «варангами» и «верингами» скандинавских саг, а слово «варяг» было выведено из древнескандинавского языка. Указали они и на якобы существующую лингвистическую связь между названием «Русь» и шведским прибрежным округом Рослаген<sup>30</sup>. Последнее донесет до читателей в 70-х гг. XVIII в. шведский историк Тунманн, и в историографии именно ему будут приписывать это одно из главных когда-то положений норманизма<sup>31</sup>. Куник роль Байера в формировании основ норманизма оценивал куда значительно скромнее, чем это было

принято в XIX веке. По его оценке, Байер указал лишь на Бертинские анналы, неизвестные его предшественникам<sup>32</sup>. В целом характеризуя, начиная с Петрея, шведскую историографию по варяжскому вопросу, Куник отметил ее сильное влияние на Байера и определил время с 1614 по 1734 г. как период «первоначального образования норманской системы»<sup>33</sup>.

В 1959 г. немецкий ученый Э. Винтер обратил внимание на выходца из Германии И. В. Пауса, который с 1701 г. проживал в России. Паус интересовался летописями, работал с ПВЛ, со Степенной книгой. По его собственному признанию, он оказал большое влияние на Байера как историка, из чего Винтер заключил, что именно Паус «является основателем норманской теории...»<sup>34</sup>. Данный вывод абсолютно несостоятелен, но сообщение Винтера показывает, что норманистские настроения были широко распространены в Западной Европе задолго до Байера.

В 1988 г. Д. А. Авдусин, мимоходом коснувшись темы о предшественниках Байера, также дал ей ошибочное толкование. Указав, что Байера и Миллера «не совсем справедливо (аналогичные взгляды высказывались и до них) считают основоположниками норманизма», исследователь в подтверждение своих слов сообщил: «Еще в 1613 г. в записке, подготовленной к переговорам между шведским и новгородским посольствами и опубликованной в 1671 г. под названием «Шведы в России», Ю. Видекинд так обосновывал «законность» территориальных притязаний к России: «Новгородцы знают из своей истории, что у них некогда был великий князь из Швеции по имени Рюрик, и было это за несколько столетий до того, как Новгород был подчинен Москве»<sup>35</sup>. Но Видекинда ничего не мог подготовить в 1613 г. по причине своего рождения то ли в 1618, то ли в 1620 году<sup>36</sup>. И ему принадлежит не записка, а книга, названная выше, повествующая в основном о событиях с 1607 г. вплоть до 1617 г., в которой приведена выдержка из речи Киприана. Такая подача информации, где отсутствует фигура архимандрита, формирует представление о якобы давнем существ-

вовании в шведском обществе мнения о норманстве варягов.

Куник затронул тему о предшественниках Байера потому, чтобы показать, что норманская теория не является плодом выдумки его ума, в связи с чем, слова Киприана он выдавал за наглядное свидетельство «живучести в России XVI—XVII в. традиции видеть в варягах именно шведов»<sup>37</sup>. Как убеждал Куник, архимандрит опирался «на предание, — почерпнутое, конечно, из одних только русских летописей, — о происхождении Рюрика из Швеции»<sup>38</sup>. Последний довод звучал в историографии, надо отметить, как до Куника, так и после него<sup>39</sup>. Еще Шлецер довел его до абсолюта. Вначале отметив, «что в XVII стол. даже сами русские считали за решенное дело, что призванные варяги были шведы», он затем ссылается на Видекинда и Скарина, в свою очередь приведших слова Киприана. На основании лишь этих показаний историк заключил, что в Швеции также «давно верили» в норманство варягов<sup>40</sup>. Куник апеллировал к фигуре Киприана также из-за позиции некоторых исследователей, поставивших под сомнение достоверность слов архимандрита об этносе Рюрика в передаче Видекинда (на первенство Петрея в этом вопросе впервые указал в 1844 г. Куник, хотя его труд был хорошо известен ученым XVIII столетия. Начиная со Шлецера, соответствующая ссылка давалась только по Видекинда).

Первым усомнился в словах Киприана о шведском происхождении Рюрика норманист Н. М. Карамзин, посчитавший, что Видекинда мог их выдумать<sup>41</sup>. Его затем полностью поддержал Н. В. Савельев-Ростиславич, указавший на то, что речь главы новгородского посольства «до нас не дошла»<sup>42</sup>. Позже С. А. Геденов заключил, что «если бы Видекиндово известие не было изобретением, то Киприану, а не Байеру принадлежала бы честь быть основателем норманской школы»<sup>43</sup>. В целом же, фигура Киприана, обстоятельства, сложившиеся вокруг нее, оказались вне интересов ученых, что проистекало от незнания ими той роли, которую сыграли слова архимандри-

та об этносе Рюрика в деле создания норманской системы. Действительно, в ту пору на фоне многих аргументов, выдвинутых норманистами, этот факт выглядел незначительным и не привлек к себе, поэтому, практически никакого внимания.

Петрей и Видекинди ничего не выдумали, и речь Киприана дошла до нас. В Государственном архиве Швеции хранится отчет о переговорах шведов и новгородцев, состоявшихся в Выборге 28 августа 1613 года. В нем говорится, что новгородцы «прибыли, дабы признать его княжескую милость их царем и великим князем с просьбой, да согласится следовать с ними в Новгород. Что же касается московитян, то они уже посылали туда своего посла, ответа же никакого не получили. Новгородцы по летописям могут доказать, что был у них великий князь из Швеции по имени Рюрик, несколько сот лет до того, как Новгород был подчинен Москве, и, по их мнению, было весьма важно иметь у себя своего великого князя, а не московского»<sup>44</sup>. Но это одна из версий речи Киприана. Другая содержится в хранящихся в том же архиве путевых записках Даниэля Юрта де Гульфреда, секретаря герцога Карла-Филиппа: «...Как то явствует из старинных летописей, имели новгородские господа испокон у себя своего великого князя. И что с самого начала никаких дел с московскими господами не имели. И еще оповестил о том, что последний (так в тексте. — В.Ф.) из их великих князей был из Римской империи по имени Родорикус»<sup>45</sup>.

Причины, приведшие новгородских послов в Выборг, принадлежавший тогда Швеции, были следующие. В июле 1611 г. шведы, захватив Новгород, навязали ему договор, согласно которому новгородцы от своего имени и от имени всего Московского государства признавали шведского короля Карла IX своим покровителем и «приглашали» одного из его сыновей «в цари и великие князья владимирские и московские». Они обещали также отправить в скорейшем времени к королю «полномочных послов для постановлений с ним и сыном его о важнейших делах обоих государств»<sup>46</sup>. В договоре без каких-либо комментариев упо-

мянут Рюрик в традиционной для такого рода документах фразе: «от времени пришествия в Россию великого князя Рюрика до Феодора Ивановича»<sup>47</sup>. 29 октября 1611 г. умер Карл IX и трон перешел к его старшему сыну — Густаву II Адольфу.

В январе 1612 г. из Новгорода в Швецию было отправлено посольство во главе с архимандритом Юрьевского монастыря Никандром. Оно должно было предложить русский престол одному из сыновей короля (о его смерти в Новгороде еще не было известно)<sup>48</sup>. На встрече с послами Густав II объявил, что его младший брат будет отпущен для занятия новгородского и, возможно, московского престола лишь в случае прибытия за ним представительного новгородского посольства. В конечном итоге была достигнута договоренность о приезде 16-летнего Карла-Филиппа в Выборг, где новгородцы в лице своих послов должны будут принести ему присягу<sup>49</sup>.

В июне 1613 г. королевич в сопровождении шведских полномочных послов и посольства Никандра отбыл из Стокгольма. Тогда же король потребовал от новгородцев отправки послов для официального предложения королевичу русского престола и заключения в связи с этим договора со шведскими уполномоченными<sup>50</sup>. 6 августа новгородцы получили сообщение, что принц в Выборге ожидает послов от Новгородского государства, а также от Московского и Владимирского, т. е. от всего Российского государства. В Выборг было направлено посольство архимандрита Киприана. Одновременно с тем было отправлено посольство в Москву, чтобы бояре, как это было договорено с ними ранее, направили своих послов в Выборг, где был бы учинен договор об избрании Карла-Филиппа<sup>51</sup>. 28 августа состоялась первая аудиенция новгородских послов у шведского принца, в ходе которой Киприан в своей речи назвал имя Рюрика<sup>52</sup>. Остается ответить на вопрос: в каком контексте он был упомянут, или какая из предложенных версий слов Киприана — отчета о переговорах или записок Даниэля Юрта — ближе к истине?

Во-первых, очень странно, что у секретаря герцога, связанного с большой поли-

тикой, нет ни слова о шведском происхождении Рюрика. Если бы Киприан действительно сказал об этом, то при политической значимости такого заявления для шведской стороны, до Столбовского мира 1617 г. пытавшейся всеми мерами сохранить за собой значительную часть северо-западных русских земель, оно было бы не только записано, но и надлежащим образом было бы использовано. В шведских документах тех лет, в переписке короля Густава II с Делагарди и Горном, где обстоятельно анализировалась ситуация в России, взвешивались все шансы Карла-Филиппа на избрание на российское царство и изыскивались любые возможности для удержания захваченных территорий, личность Рюрика абсолютно не фигурирует<sup>53</sup>.

Во-вторых, именно у Даниэля Юрта, что придает особую достоверность его сообщению, содержится понятый шведами буквально лейтмотив «августинской легенды» о происхождении Рюрика «от рода римского царя Августа». В ней говорится, что перед кончиной Гостомысл дает новгородцам совет: «Да послете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущих родов римска царя Августа рода». Новгородские послы затем «шедше в Прусскую землю и обретоши там некоего князя имянем Рюрика, сущя от рода римска царя Августа...»<sup>54</sup>. Со времени Ивана Грозного «римская версия» происхождения правящей династии обязательно присутствовала в речах наших послов применительно ко всем русским правителям прошлого и современности. Юрт записал именно то, что было сказано Киприаном о Рюрике, передал форму его речи без изменений и нисколько не искажил, по сравнению с отчетом о переговорах, ее содержание. О точности записи Юртом речи Киприана говорит также тот факт, что шведский переводчик (переговоры велись на немецком языке, переводчиком на встрече 28 августа был некто Hans Flörich<sup>55</sup>), переводя слова новгородского посла, ошибся и назвал Рюрика не первым, а «последним» новгородским князем<sup>56</sup>. Юрт внес эту ошибку в свои записки. Тот же переводчик произвольно передал и саму идею о

происхождении Рюрика «от рода римска царя Августа», выведя его, как это и зафиксировал за ним Юрт, «из Римской империи».

В-третьих, Киприан совершенно не мог отступить от предписаний «приговора», данного его посольству новгородскими митрополитом Исидором и воеводой Одоевским, и где ни слова не сказано о Рюрике вообще. Уже из Выборга Киприан сообщал им, «у нас что было в наказе писано, и мы то исполнили». Информировав далее, что Карл-Филипп не соглашается идти в Новгород «до тех пор, пока Владимирское и Московское государства с Новгородским не соединятся», он прямо выговаривает митрополиту и воеводе, что «вам про то давно ведомо... а вы пишете к нам в грамотах, велите промышлять... нам как промышлять, смотря по здешнему делу, мимо вашего наказа и ваших грамот?»<sup>57</sup>.

В-четвертых, в переписке и переговорах новгородцев с Д.Т.Трубецким и Д.М.Пожарским, в окружных грамотах последнего к русским городам за май-ноябрь 1612 г., где наряду с другими вопросами поднимался и вопрос об избрании шведского королевича на московский престол, и при этом указывалось как на благоприятное обстоятельство, что он желает перейти в православие, нет не только имени Рюрика, нет и намек на присутствие шведов в ранней русской истории<sup>58</sup>. Хотя по своей ситуации Смутное время во многом напоминало события, предшествовавшие избранию Рюрика, но эти параллели никто тогда не проводил и не использовал в качестве аргумента в пользу Карла-Филиппа. А его кандидатура, как известно, занимала важное место в обсуждении возможных претендентов на российский престол не только руководителями Первого и Второго ополчений, но и участниками Земского собора 1613 года<sup>59</sup>. В «наказе», данном в августе 1613 г. новгородским посланникам, отправляемым в Москву с известием о прибытии в Выборг Карла-Филиппа и об отправке к нему посольства Киприана, было лишь отмечено, что королевич «от такого благочестиваго корень от велеможных родителей рожен...»<sup>60</sup>. Отсутствует имя

Рюрик в переписке шведов с Д.М.Пожарским<sup>61</sup>. Нет этого имени в посланиях Карла IX к руководителям Второго ополчения. Более того, именно шведский король настоятельно советовал им не избирать на русский престол чужих государей, «а обратив на Московское государство государя, изыскав из русских родов, хтоб прежним великим природным государем нашим, царем росийским, был в сродстве»<sup>62</sup>.

Единственное объяснение появления Рюрика в качестве шведа в отчете о переговорах видится в следующем. Вероятно, что Киприан произнес фразу, подобную той, что содержится в «приговоре» посольству Никандру от 25 декабря 1611 года. В нем говорится, что все жители Московского государства избрали себе царем «свийского Карла короля сына, которого он пожелает дать. ...Из дву сынов своих королевичей князя Густава Адолфа или князя Карла Филиппа, чтобы им государем Росийское государство было по прежнему в тишине и в покое безмятежно и кровь бы крестьянская престала; а прежние государи наши и корень их царьской от их же варяжского княженья (выделено мною. — В.Ф.), от Рюрика и до великого государя... Федора Ивановича всеа Руси, был»<sup>63</sup>.

В «приговоре» посольству Киприана выделенная фраза отсутствует, и ее шведы могли полностью принять именно на свой счет, что подтверждает практика ее последующего толкования в историографии, понять ее также слишком буквально, как поняли они и «начало» Рюрика «от рода римского царя Августа».

«Приговор» посольству Никандра, опубликованный в 1846 г., сразу же привлек к себе внимание ученых, однозначно расценивших его смысл. П.С.Савельев писал в 1847 г., что наши памятники «до позднейшего времени на своем книжном языке продолжали называть шведов варягами»<sup>64</sup>. В 1851 г. С.М.Соловьев в приведенной цитате увидел «мнение... древнейшее в народе»<sup>65</sup>. Д.И.Иловайский заключил в 1876 г., что Байер не является родоначальником норманской теории, которая, по мнению историка, «уже в общих чертах существовала» в России<sup>66</sup>. Г.А.Замятин утверждал в

1913 г., что «в вопросе о происхождении первых русских князей новгородцы были, выражаясь языком XIX века, норманистами»<sup>67</sup>. Практически тоже самое говорили в 1931 г. В.А.Мошин, а в 1995 г. — финский историк Латвакангас<sup>68</sup>.

Ситуация на переговорах совершенно отличалась от кабинетной обстановки, в которой ученые принимают фразу «от их же варяжского княженья» за наличие норманистских настроений в русском обществе. С учетом неизбежной трансформации произнесенного при переводе (переговоры велись на немецком языке), с учетом того, что речи не протоколировались, а записывались по окончании встречи, то слово «варяжский», стоявшее рядом с именем Рюрика, и было понято в качестве этнонима «шведы». Этому способствовать и то обстоятельство, о котором сказал Алпатов в отношении Петрея, но которое приложимо ко всем его соотечественникам — это пристрастие интервентов<sup>69</sup>. К тому же смотревших, надо добавить, на русскую историю через призму трудов Юханнеса Магнуса и «Хроник» Петрея. Как считает Латвакангас, Петрей связал новую информацию о варягах с традиционными шведскими представлениями о Востоке, согласно которым русские были варварами, а шведы, относившие себя к античной культуре, были враждебно настроены против своих восточных соседей<sup>70</sup>. Юрт вел свои записи, согласно обязанностям секретаря, именно во время переговоров, в связи с чем очень близко передал смысл речи Киприана, поэтому у него ничего и не сказано о шведском происхождении Рюрика, а лишь было отмечено его «римское» происхождение, на которое и указал архимандрит.

Термин «варяжский» «приговора» посольству Никандра не несет абсолютно никакой этнической нагрузки, в связи с чем и был приложен к шведам лишь как к части западноевропейского, по представлениям русских того времени, «варяжского» мира. О его бытовании в России именно в широком значении говорил сам же Петрей: «...Русские называют варягами народы, соседние Балтийскому морю, например, шведов, финнов, ливонцев, куранов, пруссов,

кашубов, поморян и венедов»<sup>71</sup>. Этот перечень далеко не исчерпывает собой весь круг народов, именуемых в России варягами, о чем свидетельствует вводное слово «например». Исходя из той же устной традиции, с которой он ознакомился в России, хорват Ю. Крижанич в 60-х гг. того же XVII в. относил к варягам чужь и литву («варяжский литовский язык»)<sup>72</sup>.

В науке давно установлен сам факт широкого приложения в наших источниках термина «варяги». Указывается и время его обращения в имя общее, когда он окончательно оторвался от своей основы и стал синонимом понятию «западноевропейец». Это либо середина XI в.<sup>73</sup>, либо его вторая половина<sup>74</sup>, либо весь век в целом<sup>75</sup>, либо начало следующего столетия<sup>76</sup>. Обретение им религиозной окраски, начало его функционирования в смысле «католик» (в тогдашнем понимании — «римлянин», «латинянин») исследователи относят к началу XI в.<sup>77</sup>, к его середине<sup>78</sup>, к рубежу XI—XII вв.<sup>79</sup>, к началу XII в.<sup>80</sup>, ко всему столетию<sup>81</sup>. Время замены имени «варяги», которым на Руси столетиями называли западноевропейцев-католиков, полностью тождественным ему термином «немцы» датируется в историографии также по-разному. Это XII в.<sup>82</sup>, рубеж XII—XIII вв.<sup>83</sup>, XIII в.<sup>84</sup>, после чего оно, по мнению ученых, фактически выходит из употребления и в редких случаях встречается в памятниках позднейшего времени «как выражение книжное, фигуральное»<sup>85</sup>.

Термин «варяги», с середины XII в. совершенно исчезнувший из летописей (в последний раз он употреблен под 1148 г. в Ипатьевской летописи<sup>86</sup>), все это время продолжал функционировать в устной традиции, что было зафиксировано Петреем и Крижаничем, а также использоваться церковными писателями, о чем свидетельствует Киево-Печерский патерик, время сложения которого относится к 20-м гг. XIII в. — 60-м гг. XV века<sup>87</sup>. На его страницах «варяги» абсолютно равнозначен термину «латины», а «вера варяжская» — «вере латинской» (Симон, «прежде бивь варягъ... оставивь латинскую буюсть и истинне веровав в господа нашего Иисуса

Христа», «варяжский поклажай есть, понеже съсуди латиньстий суть», «вера варяжская» как «вера латинская», которую исповедуют «латины»)<sup>88</sup>. Через три столетия термин «варяги» вновь будет возвращен в светскую литературу. В Рогожском летописце (рукопись 40-х гг. XV в.) в рассказе под 986 г. о приходе к Владимиру посольств термин «немцы» заменен полностью адекватными ему «варягами»: «придоша к Владимиру бохмичи и варязи и жидове»<sup>89</sup>. В ранних летописях в этом случае говорится иное: «придоша немьци, глаголюще: «приходом послании от папежа» (Лаврентьевская летопись), «от Рима немци» (в редакциях Радзивиловской летописи), «немци от Рима» (в Ипатьевской летописи)<sup>90</sup>.

То, что в рассматриваемое время термин «варяги» и производные от него были совершенно лишены какой-либо этнической окраски и имели лишь общее значение — «западноевропейцы» и «католики», видно из следующих фактов. В Софийской первой летописи (конец XV — начало XVI в.) и в других летописях в известии о Невской битве войско, идущее на Русь и состоявшее, как здесь же перечисляет летописец, из шведов, норвежцев и финнов, названо «силой варяжской»<sup>91</sup>. Эта фраза отсутствует в первой редакции Жития Александра Невского, созданного в 80-х гг. XIII в. во Владимире и читаемого в Лаврентьевской и Псковской второй летописях. В них сообщается, что «король части Римское... приде в реку Неву... Бысть сеча велика над римляны и изби множество бесчислено их...»<sup>92</sup>. В тех же списках, где противники русских выступают как «сила варяжская», они вместе с тем именуются «римляны», а шведский король — «король части Римское»<sup>93</sup>. В ряде летописей помимо терминов «римляне» и «король части Римское» использованы определения «свея», «немцы», «немцы швеяне», «свеичи», «латины», «свеистии немцы»<sup>94</sup>. В одном из списков Жития середины XVI в., наряду с татарами «агарянами» названы и немцы, следовательно, и шведы, как западноевропейский, «немецкий» народ<sup>95</sup>. В частном родословце XVII в. говорится о битве на Неве с «немецким королем» и с «немцами»<sup>96</sup>.

В пространной редакции «Сказания об осаде Тихвинского монастыря в 1613 г.», помещенной в тексте Новгородской третьей летописи, речь идет о «зловверных и поганых варяг, иже свияне наричются». В большинстве же своем воины Деллагарди именуются в ней «немцами» (очень редко — «свийскими немцами»). О самом командующем говорится только как о «немецком воеводе», да один раз подчеркнуто, что «поганый он латынянин»<sup>97</sup>. Войнство Деллагарди называется также «еллинами», причем летописец заостряет внимание на «еллинской вере» самого командующего. Лишь в нескольких случаях он назван «свейским воеводой», а также говорится о «Светской земле»<sup>98</sup>. Войско Деллагарди, шедшее в Россию по договору 1609 г., было весьма этнически пестрым. Как отмечал А.И.Гиппинг, оно «было шведским только по имени, а состояло... из людей почти всех наций: французов, англичан, шотландцев, немцев, финнов, немногих шведов»<sup>99</sup>. В России, надо заметить, знали, что собой представляет на самом деле «шведское» войско. В грамотах 1609 г. говорится, что в нем «датские и аглянские и шпанские и францовские и свейские немецкие многие люди», «немецкие люди» из «шкот» и «цесаревы области», из «голландских и борабанских и иных земель»<sup>100</sup>. Из приведенных примеров видно, что все определения, которые использовали русские писатели в отношении шведов, за исключением лишь «свей», были абсолютно лишены какого-либо этнического содержания и в равной степени относились ко многим представителям западноевропейского мира.

Абсолютную нейтральность термина «варяги» поздних памятников в этническом плане подтверждают также определения «еллины» и «еллинская вера», используемые применительно к воинству Деллагарди и к нему самому, хотя ни он, швед французского происхождения, ни его подчиненные не имели никакого отношения к грекам. В литературе высказано мнение, что термин «еллин» русских памятников имеет, помимо значения «элин, грек», еще одно — «варвар, язычник, татарин, неправ-

20 Зак. 311

вославный»<sup>101</sup>. Этот вывод был сделан на основании анализа «Сказания о Мамаевом побоище», в редакциях которого (списки XVI—XVII вв.) термин «еллин» и производное от него прилагаются к татарам»<sup>102</sup>. Он использован в «Сказании» всего один раз и в отношении самих же русских, но лишь применительно к их далекому языческому прошлому<sup>103</sup>. Следует добавить, в «Летописной повести о побоище на Дону» татары названы «содомяне», что характеризует собой в полном объеме лишь отношение русских к золотоордынцам, приписывая им пороки, приведшие к гибели жителей библейского г. Содома, а в числе покровителей Мамаю названы Перун и Хорс<sup>104</sup>, языческие божества русских, давно ставшие символом «поганства».

В некоторых и очень редких случаях под «варягами» понимали в XVI—XVII вв. не только представителей Западной Европы, но и некоторые азиатские народы, с которыми у летописцев прочно ассоциировалась та опасность, которую они представляли для славянского мира. В двух списках «Сказания о Мамаевом побоище» (Вологодско-Пермской летописи и в Ундольском списке, оба относятся к XVI в.) турки, ведущие в во второй половине XIV в. активное наступление на Болгарию, названы «дунайскими варягами»<sup>105</sup>. В ПВЛ под 1061 г. сообщается о пришествии половцев на Русь. Как уточняет при этом летописец: «Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг. Бысть же князь их Искал»<sup>106</sup>. Данная информация с незначительным изменением повторена во многих летописях, содержащих в себе ПВЛ. Эти изменения, как правило, касались только имени половецкого хана, которое звучало то как Сокал, то как Сокол<sup>107</sup>. Но в трех списках Воскресенской летописи конца XVI—XVII вв. вместо «безбожных враг» уже читается «безбожных варяг»<sup>108</sup>.

Приведенный материал свидетельствует, что буквально, в привычном для нас смысле толковать термины, которые прилагали русские книжники к народам или к историческим персонажам, было бы явной ошибкой. Ошибался поэтому М.А.Алпатов, полагавший, что в «августинской легенде»

преднамеренно была произведена смена этноса первых русских князей, в результате чего они из шведов были превращены в пруссов или же в римлян<sup>109</sup>. Вывод Рюрика «от рода римска царя Августа» никак не был связан с этнической атрибуцией варягов. Это хорошо видно хотя бы из латинского перевода «Родословия великих князей русских», произведенного в 1576 г. для ознакомления с ним западноевропейцев, где читается, что «приде на Русь из немец, из прус, муж честен от рода римска царя Августа кесаря, имя ему князь Рюрик»<sup>110</sup>. Совершенно очевидно, что определения, прилагаемые к Рюрику, не являются этническими индикаторами, а указывают лишь на его выход из пределов Западной Европы. То же самое имела ввиду и фраза «от их же варезского княженья» «приговора» посольству Никандра.

Ситуацию, связанную с Киприаном, еще более осложнил Карамзин. Он сказал (а за ним это повторили другие ученые), что архимандрит, как «депутат Новгорода», убеждая московских бояр избрать в цари шведского принца, привел им в качестве довода пример из истории, что Рюрик был из Швеции<sup>111</sup>. При этом Карамзин ссылается на Шлецера. Но тот говорит лишь о переговорах в Выборге и цитирует слова архимандрита об этносе Рюрика в передаче Скарина<sup>112</sup>. Не был Киприан и «депутатом Новгорода», который якобы в чем-то убеждал московских бояр, и Москву посетил после избрания Михаила Романова на престол (в дальнейшем, он был первопрестольным архиепископом в Сибири, затем — митрополитом Крутицким, а в 1626—1634 гг. — митрополитом Новгородским. Умер Киприан в 1635 году)<sup>113</sup>.

По Байеру, варяги могли выйти также из Дании. Подтверждение тому он видел в известиях западноевропейского хрониста XI в. Титмара Мерзебургского о наличии в Киеве в 1018 г. «стремительных данов»<sup>114</sup>. Весьма вероятно, что к мысли о Дании как родине варягов подвела его, помимо показаний Титмара, также французская литература XVII в., с которой он, несомненно, был знаком. На нее Байер не ссылается, но, как еще подметил Куник, он не указал

некоторые работы своих шведских предшественников, которыми пользовался<sup>115</sup>.

В книге, изданной в 1607 г., Жак Маржерет, находившийся на русской службе в 1600—1606 гг., писал: «Согласно русским летописям, считается, что великие князья произошли от трех братьев, выходцев из Дании...»<sup>116</sup>. В 1649 г. вышел труд французского ученого Брие Филиппа, где также было сказано о выходе Рюрика из Дании<sup>117</sup>. По мнению Н.Г.Устрялова и М.А.Алпатова, Маржерет, хотя и знал русский язык, вряд ли при этом пользовался летописями и сюжет о варягах скорее всего слышал, по предположению Алпатова, в пересказе кого-нибудь из русских<sup>118</sup>. Последнее звучит более чем невероятно. Если бы такое мнение действительно тогда бытовало, то оно многократно было бы зафиксировано в отечественных памятниках, а тем более в записках иностранцев, часто посещавших в те годы России. Но, как вынуждены были сказать, отметив тем самым безуспешность подобных попыток, Герберштейн, побывавший в России дважды — в 1517 и 1526 гг., и Петрей, проживавший в нашем Отечестве одновременно с Маржеретом, что они ни от самих русских, ни из их летописей ничего не могли узнать («отыскать»), «что за народ варяги»<sup>119</sup>.

В действительности, суждение Маржерета представляет собой перенос вывода Герберштейна о Вагрии как о родине варягов на политическую карту Европы начала XVII века. Герберштейн, специально занимавшийся проблемой этноса варягов, в конечном итоге заключил, что их родиной могла быть только южнобалтийская славянская Вагрия, «город и область вандалов», которые «употребляли... русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов...»<sup>120</sup>.

Появление Дании в работах французских авторов как родины варягов объясняется следующим обстоятельством. Вагрией некогда называлась территория между Северным морем и реками Траве и Свентине. В 804 г. Карл Великий выселил оттуда саксов и передал эти земли за поддержку

в борьбе с последними балтийским славянам — ободритам (бодричам). В 1139 г. Вагрия была присоединена к Голштинии, которая, в свою очередь, в 1390 г. вошла в состав Дании<sup>121</sup>.

Такого рода вариации мнения Герберштейна о родине варягов можно встретить и в других работах XVII века. Так, французский историк и натуралист Клод Дюре (ум. 1611) утверждал в своем «Всеобщем историческом словаре», изданном в 1613 г., что новгородцы по совету Гостомысла призывали Рюрика, Синеуса, Трувора «из Вандалии»<sup>122</sup>. А. Майерберг, глава посольства Священной Римской империи в России в 1661—1662 гг. утверждал, что «некогда правили русскими братья Рюрик, Синеус и Трувор родом из варягов или вагров, князей славянского народа у Каттегата и Зунда (название проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. Зунд — немецкое название, принято именовать Эресунн. — В.Ф.)»<sup>123</sup>.

Алпатов полагал, что Майерберг материал брал, скорее всего, не из летописей. Поэтому приведенный отрывок он охарактеризовал как «русифицированный» вариант варяжской легенды, и предположил, что «в этой обрусевшей форме сказ о варягах бытовал в устной традиции в московских придворных кругах, с которыми посланник германского императора соприкасался в течение года». Не исключал ученый также и тот случай, что эти сведения «вошли из какого-либо списка летописи, до нас не дошедшего»<sup>124</sup>. Установленный факт произвольной интерпретации сообщения Герберштейна о родине варягов писателями XVII в. опровергает мнение Алпатова.

В свете изложенного, вряд ли можно согласиться с Авдусиным, посчитавшим в 1988 г., что в западноевропейской историографии до Байера по варяжскому вопросу были высказаны лишь «взгляды»<sup>125</sup>. Думается, что именно тогда этот вопрос как раз был поставлен и был серьезно решен на широкой источниковой базе в пользу скандинавов уже как научная проблема. Немало тому способствовало и то обстоятельство, что мнения о родине и этнической природе варягов, высказанные в 1607,

1615 и 1649 гг. Маржеретом, Петреем и Филиппом («выходцы из Дании», «шведы»), попали в том же веке на уже хорошо возделанную исследованиями почву о широкомасштабных действиях норманнов конца VIII — середины XI в., в связи с чем дали повод говорить еще об одном объекте их экспансии — Восточной Европе, где они якобы были известны под именем «варяги». Эту всеобщую убежденность весьма лаконично выразил Шлецер: «Кто кроме норманн, держа в трепете всю побережную Европу, мог быть в Руси?»<sup>126</sup>. Так сразу же возобладало мнение, четко затем сформулированное М.П.Погодиным, что в летописях «варяги непрерывно упоминаются в одном и том же значении — скандинавов»<sup>127</sup>. Позже подобный взгляд на ПВА был поставлен под сомнение самими же норманистами. Как признал Куник, нельзя доказать норманскую теорию на ее основе. Поэтому он требовал устранить ПВА и воспроизвести историю Русского государства в течение первого столетия его существования только на основе иностранных источников<sup>128</sup>.

Интерес шведских историков к варяжскому вопросу, начиная со второй половины XVII в., вполне закономерен. Именно тогда усиливаются притязания Швеции на политическое господство в балтийском Поморье, достигшие своего апогея при Карле XII. Швеция, возвысившись в результате Тридцатилетней войны, стремится к полному владычеству на Балтике<sup>129</sup>. С этой целью Карл X развязывает войну с ослабленной Речью Посполитой (1655—1660), намереваясь захватить польские территории, что в конечном итоге привело к войне с Россией (1656—1658). В 1986 г. Авдусин верно отметил, что «у колыбели норманизма стоял шведский великодержавный национализм»<sup>130</sup>. Латвакангас, сравнивая шведский оригинал книги Петрея с его немецким переводом заметил, что если вначале он варягов выводит только из Швеции, то во втором — «из Шведского королевства, или присоединенных к нему земель, Финляндии или Лифляндии». Как резюмирует ученый, учитывая атмосферу, царившую после Столбовского мира, а

также интересы шведов в Лифляндии, эти дополнения вполне понятны<sup>131</sup>.

Таким образом, исходным пунктом создания норманизма послужил не рассказ ПВЛ о призвании варягов, как это принято считать, а слова Киприана об этносе Рюрика в подаче шведских ученых, через призму которых стали истолковывать как варяжскую легенду, так и саму историю Киевской Руси. Справедливо поэтому, что современная шведская историография именно Петрея считает первым, кто сказал, «что шведы заложили основы русского государства»<sup>132</sup>, хотя, по оценке Латвакангаса, норманистское толкование Петрея было «еще осторожным»<sup>133</sup>. Киприан не касался этноса Рюрика, а лишь указал, как того требовала тогда русская дипломатическая практика, на его мифическое родство с римским императором Августом. Слова архимандрита о «варяжском» происхождении Рюрика, т. е. о его выходе из пределов Западной Европы и его принадлежности к семье европейских монархов, многие из которых также возвеличивались началом от Августа, были приняты шведским переводчиком за свидетельство принадлежности князя к шведам и в таком виде были внесены в официальный документ. Затем они были выданы за мнение самих же русских о племенной принадлежности варягов, в связи с чем на летописцев стали смотреть не только как на «первых норманистов», но даже более того — как на «сознательных творцов норманской концепции» истории Руси. Такая позиция, отстоящая от элементарных норм исторической критики, встретила прямое возражение лишь со стороны историка О.М. Рапова<sup>134</sup>.

Летописцы не связывали варягов со шведами даже тогда, когда сопоставляли историю Руси и Швеции и проводили в них определенные параллели. Так, в Оболенском списке Псковской первой летописи, отражавшем ее редакцию середины XVI в., под 1548 г. помещен рассказ «О прежнем пришествии немецком и о нынешнем на Новгородскую землю, и о нашествии богomerскаго свеискаго короля Густафа с погаными латыни на Рускую землю, и о клятве их». В нем летописец, говоря о

шведах, пишет, что «земля же бе их не славна, но не ведома бе и не слышна, поне же худа и мала бе земля, и людие грубы и не мудры бяху... Исперва не бе в них короля, но князь некий от инья земля начат владети ими, яко же и у нас в Руси приидоша князи от варяг и начаша владети Рускою землею...»<sup>135</sup>.

Шведскими историками XVII — начала XVIII в. была наработана столь солидная база по варяжскому вопросу, что она позволила их соотечественнику Олофу Далину уже в 1746 г. сказать, что именно «варяжское или шведское государство» послало на Русь принца Рерика (Роэрика), где он получил престол, именно Швеция с древнейших времен «покровительствовала Гольмгардскому государству», а русскую историю от Рюрика до Ярослава Мудрого включительно рассматривать как шведскую историю<sup>136</sup>. Из Швеции варяжский вопрос проникает в работы ученых континентальной Европы, из которых Байер был первым, кто перенес его на русскую почву. Затем Миллер и Шлецер своим тезисом о норманском, германском происхождении Киевской Руси крайне усилили политическое звучание варяжской проблемы, в связи с чем она навсегда стала одной из главных тем русской исторической науки.

Возникновению норманизма способствовала также французская литература XVII в., отредактировавшая с учетом современных ей реалий мнение Герберштейна о родине варягов и, в связи с этим, выведившая их из Дании.

Надо иметь в виду, что в XVII в. в западноевропейской историографии об этносе варягов были высказаны и другие точки зрения. Первый обзор литературы по этой проблеме связан, видимо, с именем шведского историка Рудбека, который в 1698 г., отстаивая шведское происхождение варягов и киевской княжеской династии, привел мнения на сей счет Герберштейна, Гваньини, Одеборна, определявших в качестве местожительства находников на Русь южнобалтийское побережье<sup>137</sup>. В 1735 г. Байер отверг сообщения Одеборна и Петрея о выходе Рюрика из Пруссии. Назвал несостоятельными легенду об Августе, мне-

ния Герберштейна, Лагома, Хемниция о Вагрии как о родине варягов, суждение Претория, что русские призывали себе «владельца от народа своей крови». Свою позицию он подкреплял ссылками на этимологические изыскания шведов Верелия и Рудбека, которые убеждали в 1672 и 1689 гг., что слово «варяг» на скандинавском языке означает «разбойник», на Лейбница, полностью согласного с ними, на Арвида Моллера, в 1731 г. объяснявшего его из языка эстов («вор», «грабитель»)<sup>138</sup>.

На вопрос об этносе и местожительстве варягов перед их приходом на Русь ответ давно уже дан в историографии. Так, принципиально важное наблюдение, не объясненное до сих пор норманистами, было сделано еще Н.И.Костомаровым, С.А.Гедеоновым и Д.И.Иловайским. Из исландских саг видно, указывали они, что скандинавы начинают посещать Русь не ранее времени Владимира Святославича (980–1015) и совершенно не знают его предшественников<sup>139</sup>. В советской историографии данный факт напоминал А.Г.Кузьмин, добавляя к нему, что саги не знают также никого из византийских императоров ранее Иоанна Цимисхия (ум. 976), причем знают они его не непосредственно, а по устным припоминаниям<sup>140</sup>. Весьма ценно в этом плане заключение норманиста В.Г.Васильевского, который, рассмотрев все сведения о пребывании варягов в Византии, показал, что норманны появляются там и вступают в русско-славянскую дружину варангов (варягов) значительно позднее ее возникновения в 988 году. Так, первым норманном, вошедшим в этот корпус в 20-х гг. XI в., был, по известиям саг, некто Болли Боллиссон<sup>141</sup>. С приведенными выводами полностью согласуется также мнение германиста Ф.А.Брауна, приведенное в 1915 г. В.И.Ламанским: «Более ясные географические сведения о России начинают появляться в сагах только с самого конца X века»<sup>142</sup>.

ПВА содержит точную информацию о языке варягов, пришедших на территорию Северо-Западной Руси: они основали («срубища») здесь города со славянскими названиями, в том числе и Белоозеро, во-

обще расположенное не на славянской территории<sup>143</sup>. На вопрос — откуда же пришли варяги — убедительно отвечает археология. В землях ильменских словен и псковских кривичей обнаружен широко представленный керамический материал, аналогичный и синхронный по времени (VIII–XI вв.) керамическим комплексам, открытым в Дании, в Северной и Северо-Восточной Германии, в Северной Польше, принадлежавшим славянскому и славяноязычному населению<sup>144</sup>. О масштабах распространения керамики западнославянского (фельдбергского типа) на Руси говорит не только обширная территория, на которой она имела место (доходила до Верхней Волги и Гнездова на Днепре, т.е. была распространена именно на той территории, как замечает А.Г.Кузьмин, на которой киевский летописец помещал варягов<sup>145</sup>), но и удельный вес ее представительства среди других керамических типов: на посаде Пскова она составляет 80%<sup>146</sup>, в Городке на Ловати — около 30%<sup>147</sup>. В Городке под Лугой ее выявлено 50% из всей достоверно славянской<sup>148</sup>. Для времени X–XI вв. в Пскове, Изборске, Новгороде, Старая Ладога, Великие Луки отложения, насыщенные южнобалтийскими формами, представлены мощным слоем<sup>149</sup>. Производилась эта посуда тут же, на месте, о чем говорит как объем ее присутствия, так и характер сырья, шедшего на ее изготовление. В ранних археологических слоях Новгорода заметный компонент составляет керамика, имеющая аналогии на южном побережье Балтики, в Мекленбурге<sup>150</sup>.

С керамическими свидетельствами, массовостью своей служащей, по мнению самих же археологов, «надежнейшим этническим признаком»<sup>151</sup>, полностью согласуются антропологические данные. Как констатирует В.В.Седов, «ближайшие аналогии раннесредневековым черепам новгородцев обнаруживаются среди краниологических серий, происходящих из славянских могильников Нижней Вислы и Одера. Таковы, в частности, славянские черепа из могильников Мекленбурга, принадлежащих ободритам»<sup>152</sup>. Антропологические исследования, проведенные в 1977 г. среди современного

населения Псковского озера, отличающегося стабильностью и достаточно большой обособленностью, показали, что оно относится к западнобалтийскому типу, который «наиболее распространен у населения южного побережья Балтийского моря и островов Шлезвиг-Гольштейн до Советской Прибалтики...»<sup>153</sup>. Нумизматические данные показывают, что торговые связи Новгородской земли с южным побережьем Балтийского моря фиксируются, по сравнению со Скандинавией, значительно более ранним временем и характеризуются большей масштабностью. Так, на Готланде нет кладов ранее IX в., а в Швеции древнейший клад относится лишь к середине указанного столетия. В славянском же Поморье ранние клады датируются VIII веком<sup>154</sup>. Археологический материал находит себе полное подтверждение в лингвистических и в исторических данных<sup>155</sup>.

На южно- и восточнобалтийском побережье находились единственные в Балтийском Поморье, как установил А.Г.Кузьмин, четыре Руси: остров Рюген, устье Немана, устье Западной Двины, западная часть Эстонии (Роталия-Русия) с островами Эзель и Даго. В каких-либо других местах Поморья Русий более не существовало. Не было ее в Скандинавии, о чем свидетельствуют опять же саги. В свое время Байер вынужден был признать, что «русские приняли название не от скандинавов»<sup>156</sup>. Показательна в этом плане позиция зарубежных исследователей, убежденных в норманстве варягов. Так, в 1973 г. «непреодолимые историко-фонетические трудности» заставили Ю.Мягисте отказаться от гипотезы о скандинавской основе названия «Русь». В 1982 г. Г.Шрамм, «указав на принципиальный характер препятствий, с которыми сталкивается скандинавская этимология, предложил выбросить ее как слишком обременительный для «норманизма» балласт»<sup>157</sup>.

В недатированной части ПВЛ есть четкое указание на местожительство варягов: они сидят по Варяжскому морю «ко востоку до предела Симова, по тому же морю сесть к западу до земли Агнянски и до Волошьски»<sup>158</sup>. Н.В.Савельев-Ростилавич

и И.Е.Забелин впервые установили, что «земля Агнянска» — это не Британия, как в то время полагали, а территория в низовьях Эльбы, где проживали агло-саксы<sup>159</sup>, т. е. южная часть Ютландского полуострова. Соседями англов на южном берегу Балтийского моря были «варини», «вары», «вагры», жившие в Вагрии и принадлежавшие к вандальской группе. К IX в. они ославянились, и именно в них А.Г.Кузьмин видит собственно варягов, варягов в узком смысле слова<sup>160</sup>. Из указанных районов балтийского побережья в северо-западный район Восточной Европы прибыл в VIII—IX вв. весьма сложный по своему этническому составу колонизационный поток, включавший в себя славянские и славяноязычные народы, о чем прямо говорят названия городов, «срубленные» переселенцами. В это движение на восток лишь в конце X столетия, как это вытекает из показаний саг, были втянуты шведы. До этого времени они Русь не посещали и не имели, следовательно, никакого отношения к летописным варягам. Переселение на территорию Северо-Западной Руси определенной части населения южнобалтийского побережья получило свое отражение в «варяжской легенде».

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

<sup>1</sup> Bayer G.S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. T. IV. — Petropoli, 1735. P. 275—311.

<sup>2</sup> Ламбин Н. Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. На статью профессора Н.И.Костомарова «Начало Руси», помещенную в «Современнике», 1860, № 1. — СПб., 1860. С. 19, 39.

<sup>3</sup> Шахматов А.А. Отзыв о труде В.А.Пархоменко: «Начало христианства Руси» // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1914, ч. LII, новая серия, № 8. С. 342.

<sup>4</sup> Пархоменко В.А. К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси. — Историк-марксист, 1938, № 4. С. 108; Прицелков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. — Л., 1940. С. 39.

<sup>5</sup> Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.—Л., 1947.

С. 158–160; Повесть временных лет. Статьи и комментарии Д.С.Лихачева. Ч. 2. — М.—Л., 1950. С. 112–113; Будовиц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). — М., 1960. С. 82; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. — М., 1963. С. 218, 294; *его же*. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. — М., 1993. С. 310; Шушарин В.Л. Современная буржуазная историография Древней Руси. — М., 1964. С. 247; Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. — Л., 1965. С. 178, 228–229; Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. — М.—Л., 1965. С. 9, 55; *его же*. Анти-норманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. — Л., 1983. С. 36, 38, примеч. 3 на с. 36; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. — М., 1973. С. 39–41, 46–47; *его же*. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII века. — М., 1976. С. 4; *его же*. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // «Вопросы истории» (ВИ). 1982, № 5. С. 38–40; *его же*. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). — М., 1985. С. 10, 12, 14, 17–19; Ловмянский Х. Русь и норманны. — М., 1985. С. 58, 170, примеч. 8 на с. 86.

<sup>6</sup> Погодин М.П. О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. — М., 1825. С. 48; Куник Е. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. I. — St.-Petersburg, 1844. S. 111–118; Дополнения А.А.Куника в кн.: Дорн Б. Каспий. — СПб., 1876. С. 430; Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. — СПб., 1847, с. CLXX; Томсен В. Начало Русского государства. — М., 1891. С. 101; Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fren runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. — Turku, 1995. S. 132.

<sup>7</sup> Bayer G.S. De Varagis. P. 276–279, 295–297.

<sup>8</sup> Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. — М.—Л., 1962. С. 291.

<sup>9</sup> Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. — СПб., 1773. С. 199, 205.

<sup>10</sup> Шлецер. Нестор. Ч. 1. — СПб., 1809. С. 367.

<sup>11</sup> Куник Е. Op. cit. S. 115–116; Дополнения А.А.Куника. С. 460–461; Замечания А.Ку-

ника. (По поводу критики г. Фортинского). СПб. [1878], с. 1–4; Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. — СПб., 1903. С. 31.

<sup>12</sup> Фомин В.В. Норманизм и его истоки // Дискуссионные проблемы отечественной истории. — Арзамас, 1994. С. 18–30.

<sup>13</sup> Latvakangas A. Op. cit. S. 39, 131.

<sup>14</sup> Куник А.А. Известия ал-Бекри. С. 31.

<sup>15</sup> Петрей П. История о великом княжестве Московском. — М., 1867. С. I–X; Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. Сост. Ю.А.Лимонов. — М., 1976. С. 7–22; Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. — М.—Л., 1961. С. 10; Алпатов М.А. Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 54–68; Svenska män och kvinnor. Biografisk uppslagsbok. A-B. Bd. I. — Stockholm. 1942. S. 104; Latvakangas A. Op. cit. S. 132–137.

<sup>16</sup> Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрие самозванце. Ч. I. — СПб., 1859. С. 7; Лимонов Ю.А. «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея. — Скандинавский сборник. Вып. 12. — Таллин, 1967. С. 260–270.

<sup>17</sup> Алпатов М.А. Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 54–55, 57.

<sup>18</sup> Петрей П. Ук. соч. С. 1.

<sup>19</sup> Там же. С. 91.

<sup>20</sup> Там же. С. 312.

<sup>21</sup> Там же. С. 91–92.

<sup>22</sup> Там же. С. 90.

<sup>23</sup> Latvakangas A. Op. cit. S. 136.

<sup>24</sup> Замечания А.Куника. С. 1; Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А.Лимонова. — Л., 1986. С. 320; Алпатов М.А. Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 98; Реляция Петра Петрея. С. 7.

<sup>25</sup> Крижанич Ю. Экономические и политические его взгляды. — СПб., 1914. С. 108; Пушкирев Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. — М., 1984. С. 127.

<sup>26</sup> Widekindi J. Thet svenska i Russland tijo ehre krigz-historie. — Stockholm, 1671. S. 511; *его же*. Historia belli sveco-moscovitici. — Holmiae, 1672. P. 403.

<sup>27</sup> Verelius Olaus. Hervarar Saga. — Upsala, 1672. P. 19, anm. 192; Rudbeck Olof. Atlantica sive Manheim pars sekunda. — Upsalae, 1689. P. 518; *его же*. Atlantica sive Manheim pars tertia. — Upsalae, 1698. P. 184–185; Scarin A.

Dissertatio historica de originibus priscae gentis varegorum. — Aboae, 1734.

<sup>28</sup> Ibid. P. 76.

<sup>29</sup> Замечания А.Куника. С. 2.

<sup>30</sup> Там же. С. 6, 8; Куник А.А. Известия ал-Бекри. С. 39.

<sup>31</sup> Ловмянский Х. Ук. соч. С. 60, 65.

<sup>32</sup> Замечания А.Куника. С. 2.

<sup>33</sup> Там же. С. 2, 4; Дополнения А.А.Куника. С. 461.

<sup>34</sup> Винтер Э. И.В.Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. Сб. статей. — М., 1959. С. 314—315, 320—321.

<sup>35</sup> Авдусин Д.А. Современный антинормализм // ВИ, 1988, № 7. С. 23, 24.

<sup>36</sup> Svenskt biografiskt nandlexikon. L—Ö. — Stockholm, 1906. S. 722; Svenska män och kvinnor. S. 342; Latvakangas A. Op. cit. S. 130—131.

<sup>37</sup> Куник Е. Op. cit. S. 116; Дополнения А.А.Куника. С. 430; Замечания А.Куника. С. 2—3.

<sup>38</sup> Там же. С. 3.

<sup>39</sup> Шлецер. Ук. соч. Ч. 1. С. 325, примеч.хх; Погодин М.П. О происхождении Руси. С. 48; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. — СПб., 1872. С. 89, примеч. 1; Лекции по историографии профессора Бестужева-Рюмина за 1881—1882 года. — СПб., [Б.г.]. С. 6—7; Cronholm A. Sveriges historia under Gustaf II Adolphs regering. Bd. I. — Stockholm, 1857. S. 224.

<sup>40</sup> Шлецер. Ук. соч. Ч. 1. С. 327, примеч. хх к с. 325.

<sup>41</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. — СПб., 1818, примеч. 108.

<sup>42</sup> Славянский сборник Н.В.Савельева-Ростиславича. — СПб., 1845, с. XXXVI.

<sup>43</sup> Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. II. — СПб., 1876, примеч. 48 к с. XX—XXI.

<sup>44</sup> Sweden Riksarkivet, Muskovitica 17. Relation pl thet som handlet bleef När Nougordische Sendebudhen komme till Audiens in för H.K.N. hertig Carl Philip och Commissariome pl Wiborgz Slott («kommne, at bekänne H.F.N: de för theres Zar och Storfurste, begärandes at han mlitte föllie dem till Nougården. Hwadh the Muskowiske anlanger, thí hafwe the hafft theres bud der inn och inge swar igän bekommet. De Nougårdiske kunde bewijsa af sijne Historier, at the hafwe hafft ifrln Swerige en Storfurste benämndh Rurich, nlgre hundrade lr, för än Nougården blef twungen under Muskow, och förmennte sigh at the wore märklige nogh at hafwa en Storfurste för sigh sielfue them föruthan»).

<sup>45</sup> Sweden Riksarkivet, Muskovitica 17. Liber collectaneus Danielis Hiort de Hulfredh. Rijsehandlingar ifrln juniú mlínadt, lhr 1613 in till februarium uthi thette närwarande lhr 1614 («att uti gamble Crönikor befinnes att det Nougordesche herskap hafuer af llder haft deres egen Storfurste för sig sielfue, och icke haft nlgon udaf begynnelsen med det musckowesche herskap att bestelle, och till yttermerewisso gaf han tilkenne, att den sidste deres egen Storfurste hafuer uarít udaf det Romerske Rikedt benemd Rodoricus»). В отечественной историографии фрагмент этого документа впервые привел Г.Форстен в статье: Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП, 1889, октябрь. С. 194, примеч. 1.

<sup>46</sup> Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Ч. 2. — М., 1819. С. 554—555.

<sup>47</sup> Там же. С. 559.

<sup>48</sup> Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографического комиссиею (ДАИ). Т. 1. — СПб., 1846. С. 283—285.

<sup>49</sup> Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Пруссия, Франция и Швеция. Ч. 4. — М., 1902. С. 144—145; Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX—XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры // Европа и Америка. Справочник. — М., 1995. С. 193.

<sup>50</sup> ДАИ. Т. 2. — СПб., 1846. С. 4—5.

<sup>51</sup> Там же. С. 8—10; Бантыш-Каменский Н.Н. Ук. соч. С. 145; Похлебкин В.В. Ук. соч. С. 193. Похлебкин ошибается, полагая, что в августе 1613 г. новгородцы отправляли два посольства, первое из которых якобы было перехвачено верными новому царю властями, и что только второе посольство, посланное вслед первому, добралось до Выборга. Ученого в этом случае ввела в заблуждение историографическая традиция, согласно которой посольство Никандра 1612 г. называют первым, а посольство Киприана — вторым новгородскими посольствами, предлагавшими шведскому королевичу занять российский престол. После того, как последний в январе 1614 г. отказался от русского престола и ни с чем отбыл из Выборга в Стокгольм, посольству Никандра было разрешено вернуться домой. По дороге 28 февраля 1614 г. оно по приказу царя было взято под стражу, а 2 апреля было отправлено в Москву. (ДАИ. Т. 2. С. 8—10; Бантыш-Каменский Н.Н. Ук. соч. С. 145).

<sup>52</sup> Форстен Г. Политика Швеции. С. 193—194.

<sup>53</sup> Арсеньевские шведские бумаги. Ч. I.

1611–1615 // Сборник Новгородского общества любителей древности. — Новгород, 1911. С. 15–16, 33–54 и др.; то же. Ч. II. 1614–1616 гг.; 1650 // Сборник Новгородского общества любителей древности. — Новгород, 1912.

<sup>54</sup> Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. — М.—Л., 1955. С. 162.

<sup>55</sup> Форстен Г. Политика Швеции. С. 193.

<sup>56</sup> Latvakangas A. Op. cit. S. 130, not. 5.

<sup>57</sup> Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 5, т. 9–10. — М., 1995. С. 76.

<sup>58</sup> СГД. Ч. 2. С. 588–591, 593–599; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (ААЭ). 1598–1613. Т. 2. — М., 1819. С. 356–360; ДАИ. Т. 1. С. 286–294; Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. 4, т. 7–8. — М., 1994. С. 721–726.

<sup>59</sup> Маркевич А. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // ЖМНП, 1891, октябрь. С. 183–184; Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). — Юрьев, 1913; его же. «Новый летописец» о сношениях между Ярославем и Новгородом в 1612 году // ЖМНП, 1914, ч. L, новая серия, март. С. 63–87; его же. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Педагогический факультет. Т. III. — Воронеж, 1926. С. 7–11, 35–37 и др.; История Швеции. — М., 1974. С. 186; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. — М., 1978. С. 184, примеч. 82; Almqvist H. Sverga och Russland. 1595–1611. — Uppsala, 1907. S. 240–242.

<sup>60</sup> СГД. Ч. 2. С. 601–602. Этот «наказ» (точнее, его отрывок, дошедший до нас) ошибочно датирован его издателями августом 1612 года.

<sup>61</sup> Там же. С. 591–592.

<sup>62</sup> Там же. Ч. 1. — М., 1813. С. 613; Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. 4. Т. 7–8. С. 698; то же. Кн. 5. Т. 9–10. С. 86.

<sup>63</sup> ДАИ. Т. 1. С. 284.

<sup>64</sup> Савельев П.С. Ук. соч. С. CLXX.

<sup>65</sup> Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. 1. Т. 1–2. — М., 1993. С. 86, примеч. 143 на с. 275.

<sup>66</sup> Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М., 1876. С. 237.

<sup>67</sup> Замятин Г.А. К вопросу об избрании. С. 23.

<sup>68</sup> Мошин В.А. Варяго-русский вопрос. — Slavia. Casopis pro slovanskou filologii. Rocnik X.

Sejlit 1. — Praha, 1931. С. 120–121; Latvakangas A. Op. cit. S. 131, not. 4.

<sup>69</sup> Алпатов М.А. Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 62, 68.

<sup>70</sup> Latvakangas A. Op. cit. S. 135–137.

<sup>71</sup> Петрей П. Ук. соч. С. 90.

<sup>72</sup> Крижанич Ю. Ук. соч. С. 109.

<sup>73</sup> Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. — Киев, 1837. С. 41–42; Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. — СПб., 1842. С. 38.

<sup>74</sup> Свистун Ф.И. Спор о варягах и начале Руси. Историко-критическое исследование. — Львов, 1887. С. 164–165.

<sup>75</sup> Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. — [Б.м.] и [Б.г.]. С. 23.

<sup>76</sup> Костомаров Н.И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказаниях и обычаях // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. XIII. — СПб., 1881. С. 23; Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Нестеровой) летописи. — Варшава, 1885. С. 35; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 293.

<sup>77</sup> Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. — М., 1880. С. 157, примеч. 2.

<sup>78</sup> Максимович М.А. Ук. соч. С. 41–42.

<sup>79</sup> Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. — Л., 1930. С. 34.

<sup>80</sup> Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 293.

<sup>81</sup> Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1904. С. 46–47.

<sup>82</sup> Там же. С. 325, примеч. 1; его же. Древнейшие судьбы русского племени. — Пг., 1919. С. 46–47.

<sup>83</sup> Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. — М., 1876. С. 139–140; Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ, 1970, № 10. С. 32–33.

<sup>84</sup> Барсов Н.П. Ук. соч. С. 13, 36–37.

<sup>85</sup> Савельев П.С. Указ. соч. С. CLXX; Забелин И.Е. Указ. соч. С. 139; Барсов Н.П. Указ. соч. С. 229, примеч. 61.

<sup>86</sup> Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. — СПб., 1843. С. 39; то же. Т. 2. — М., 1962, стб. 369.

<sup>87</sup> Абрамович Д.И. Исследования о Киево-

Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — СПб., 1902. С. I, XXII—XXIX, 1, 32, 57, 59, 67, 72, 78, 88; *Ермин И.П.* Киево-Печерский патерик // *Ермин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. — Л., 1987. С. 33—38.

<sup>88</sup> Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. С. 3—6, 33, 76, 119, 131—133, 216.

<sup>89</sup> ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. — М., 1965, стб. 15.

<sup>90</sup> Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). — СПб., 1897. С. 83; ПСРЛ. Т. 2, стб. 72.

<sup>91</sup> ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. — СПб., 1851. С. 178; то же. Т. VIII. — СПб., 1859. С. 147; то же. Т. 10. — М., 1965. С. 121; то же. Т. 15. — М., 1965, стб. 378.

<sup>92</sup> ЛЛ. С. 454, 456; Псковские летописи. Вып. 2. — М., 1955. С. 11—12.

<sup>93</sup> ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 177—178; то же. Т. VIII. С. 146, 148; то же. Т. 10. С. 120—120.

<sup>94</sup> ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 29; Псковские летописи. Вып. 1. — М.—Л., 1941. С. 13, 117—118; то же. Вып. 2. С. 80.

<sup>95</sup> *Серебрянский И.* Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. III. — М., 1915. С. 128, 136; примеч. 2 на с. 38.

<sup>96</sup> *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. — СПб., 1888. С. 379.

<sup>97</sup> ПСРЛ. Т. III. — СПб., 1841. С. 283—305; *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. — СПб., 1913. С. 426—427.

<sup>98</sup> ПСРЛ. Т. III. С. 267—273; Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Собр. Румянцева, ф. 256, № 250, л. 296об.—311об.; Рукописный отдел библиотеки Российской Академии наук, Успенск., № 210, л. 83об.—89об.; 32.3.16, л. 253—266об.; Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, Собр. Титова, 3250, л. 170—184об.; Собр. Петерб. духовн. акад., № А 1/260, л. 88—93; F.IV.623, л. 153—165об.; Погод. 1416, л. 172—181; Q.IV.78, л. 145об.—153об.

<sup>99</sup> *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. Ч. 1. — СПб., 1909. С. 253.

<sup>100</sup> ААЭ. Т. 2. С. 248; СГГД. Ч. 2. С. 358; Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. — СПб., 1841. С. 315.

<sup>101</sup> *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — М., 1986. Т. II. С. 16; Повести о Куликовской битве. — М., 1959. С. 277, примеч. 6; Памятники Куликовского цикла. — СПб., 1998. С. 219, примеч. 94.

<sup>102</sup> Повести о Куликовской битве. С. 43, 44, 49, 55, 64, 71, 79—80, 64, 89, 103, 111, 112, 119, 129, 143, 150, 190, 197; Памятники Куликовского цикла. С. 135, 137.

<sup>103</sup> Повести о Куликовской битве. С. 50, 124, 174.

<sup>104</sup> Повести о Куликовской битве. С. 36—37, 71, 150, примеч. 26 на с. 241.

<sup>105</sup> Там же. С. 93; Памятники Куликовского цикла. С. 163.

<sup>106</sup> ЛЛ. С. 159.

<sup>107</sup> См. напр.: ПСРЛ. Т. 2, стб. 152; там же. Т. 25. — М.—Л., 1949. С. 380.

<sup>108</sup> ПСРЛ. Т. VII. — СПб., 1856. С. 334, примеч. г.

<sup>109</sup> *Апатов М.А.* Русская историческая мысль... XII—XVII вв. С. 170, примеч. 39; *его же.* Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 4—5.

<sup>110</sup> Цит. по: *Жданов И.Н.* Былевой эпос. Исследования и материалы. — СПб., 1895. С. 115.

<sup>111</sup> *Карамзин Н.М.* Ук. соч. Т. I, прим. 108; *Погодин М.П.* О происхождении Руси. С. 48; Лекции по историографии профессора Бестужева-Рюмина. С. 6—7.

<sup>112</sup> *Шлецер.* Ук. соч. Ч. I. С. 325, примеч. хх.

<sup>113</sup> Летопись о многих мятежах. — СПб., 1788. С. 300; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2. — Киев, 1908. С. 1291—1292; *Арсеньевские шведские бумаги.* Ч. 1. С. 28, примеч. х.

<sup>114</sup> *Vayer G.S. De Varagis.* P. 280, 292—293.

<sup>115</sup> Дополнения А.А.Куника. С. 461.

<sup>116</sup> *Жак Маржерет.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев/ Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А.Лимонова. — Л., 1986. С. 10, 231.

<sup>117</sup> *Briet Philipp.* Parallela geographiae veteris et novae. Т. 2. P. 1. — Parisiis, 1649. P. 229.

<sup>118</sup> *Устрялов Н.Г.* Ук. соч. С. 254, примеч. 195; *Апатов М.А.* Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 28, 30.

<sup>119</sup> *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. — СПб., 1908. С. 4; *Петрей П.* Ук. соч. С. 90.

<sup>120</sup> *Герберштейн С.* Ук. соч. С. 4.

- <sup>121</sup> Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. V. — СПб., 1891. С. 354; то же. Т. IX. — СПб., 1893. С. 125–126; *Беляев Н.* Рюрик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Т. III. — Prague, 1929. С. 224.
- <sup>122</sup> *Duret Claude.* *Thrésor de l'Histoire des langues de cest Univers.* — Uverdon, 1619. P. 846.
- <sup>123</sup> *Майерберг А.* Путешествие в Московию. — М., 1874. С. 105.
- <sup>124</sup> *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль... XVII — первая четверть XVIII века. С. 119–120.
- <sup>125</sup> *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // *ВИ*, 1988, № 7. С. 23.
- <sup>126</sup> *Шлецер.* Ук. соч. Ч. 1. С. 273.
- <sup>127</sup> *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 2. — М., 1846. С. 38.
- <sup>128</sup> *Куник А.А.* Известия ал-Бекри. С. 31–32.
- <sup>129</sup> *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* — М., 1955. С. 132, 492–493.
- <sup>130</sup> *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — М., 1986. С. 121–122.
- <sup>131</sup> *Latvakangas A.* Op. cit. S. 133.
- <sup>132</sup> *Svenska män och kvinnor.* S. 104. («är den förste, som uttalat, att svenskar grundlagt ruska riket»).
- <sup>133</sup> *Ibid.* S. 133.
- <sup>134</sup> *Рапов О.М.* «Были ли норманистами создатели «Повести временных лет»? // Сборник Русского исторического общества. № 1 (149). — М., 1999. С. 110–119.
- <sup>135</sup> Псковские летописи. Вып. 1. С. 117.
- <sup>136</sup> *Dalin O.* *Geschichte des Reichs Schweden.* Bd. 1. — Greifswald, 1756. S. 234, 409–418; *Далин О.* История шведского государства. Ч. 1. Кн. 1–2. — СПб., [1805]. С. 673–678, примеч. «ц» на с. 385, примеч. с на с. 438.
- <sup>137</sup> *Rudbeck Olof.* Op. cit. P. III. P. 184–185.
- <sup>138</sup> *Bayer G.S.* *De Varagis.* P. 276–279, 295–297.
- <sup>139</sup> Публичный диспут. С. 29; *Гелеонов С.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. LXXXVII, примеч. 235; *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. С. 316.
- <sup>140</sup> Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 2. — М., 1986. С. 585–586; *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. — М., 1988. С. 157.
- <sup>141</sup> *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII веков // *Он же.* Труды. Т. 1. — СПб., 1908. С. 176–377.
- <sup>142</sup> *Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. — Пг., 1915. С. 57.
- <sup>143</sup> Откуда есть пошла Русская земля. С. 26–27; *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. С. 156.
- <sup>144</sup> *Станкевич Я.В.* Керамика нижнего горизонта старой Ладоги. По материалам раскопок 1947 г. // «Советская археология» (СА). Т. XIV. — М.–Л., 1950. С. 195–196; *Смирнова Г.П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. — М., 1956. С. 236–237; *ее же.* Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии Академии наук (КСИА). Вып. 146. — М., 1976. С. 3–10; *ее же.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. С. 169–170; *ее же.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155. — М., 1978. С. 63–67; *Белецкий С.В.* Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф... дис... канд. ист. наук. — М., 1979. С. 9, 11–13; *Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // КСИА. Вып. 164. — М., 1981. С. 22–23.
- <sup>145</sup> Откуда есть пошла Русская земля. С. 27.
- <sup>146</sup> *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города // КСИА. Вып. 160. — М., 1980. С. 7.
- <sup>147</sup> *Горюнова В.М.* О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическим материалам) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. — Л., 1977. С. 53, примеч. 2; *ее же.* О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. — Л., 1982. С. 42.
- <sup>148</sup> *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. — Л., 1977. С. 119.
- <sup>149</sup> *Белецкий С.В.* Биоконические сосуды Труворова городища. I СЗ. 1976. № 3. С. 329.
- <sup>150</sup> *Смирнова Г.П.* О трех группах новгородской керамики X — начала XI в. // КСИА. Вып. 139. — М., 1974. С. 20, примеч. 24; *ее же.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа. С. 169–170.

<sup>151</sup> Арциховский А.В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. — М., 1966. С. 38.

<sup>152</sup> Седов В.В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М., 1977. С. 154; *его же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982. С. 8, 66.

<sup>153</sup> Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М. Русское население Псковского озера // Полевые исследования Института этнографии. 1977. — М., 1979. С. 187—188.

<sup>154</sup> Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. С. 88—89; Потин В.М. Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным // «Вестник истории мировой культуры». — Л., 1961, № 4. С. 73—78; *его же*. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. — Л., 1968. С. 62—66; *его же*. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (X—XII вв.) // «Исторические связи Скандинавии и России». — Л., 1961, № 4.

С. 64—80; Фомин А.В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. Вып. 171. — М., 1982. С. 16—21.

<sup>155</sup> См. об этом подробнее: Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г.Кузьмин. — М., 1998. С. 209—429; Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999. С. 118—148.

<sup>156</sup> Bayer G.S. Origines Russicae // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. T. VIII. — Petropoli, 1741. P. 411.

<sup>157</sup> Назаренко А.В. Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums // Unter Mitwirkung von U.Kälin. Darmstadt, «Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992 (=Erträge der Forschung. Bd. 277) // «Средневековая Русь». Вып. I. — М., 1996. С. 177.

<sup>158</sup> ЛЛ. С. 3—4.

<sup>159</sup> Славянский сборник. С. LX, LXXXIX, примеч. 170; Забелин И.Е. Ук. соч. С. 43—44.

<sup>160</sup> Откуда есть пошла Русская земля. С. 26, 582—583; Кузьмин А.Г. Падение Перуна. С. 155—156; Славяне и Русь. С. 463—464.

